

Анна Пейчева

ОГНЕННЫЙ
ТОРНАДО

Анна Пейчева

Огненный торнадо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70237435

SelfPub; 2024

Аннотация

Остросюжетная история про приключения русской принцессы Екатерины в далеком американском Кентукки. Не просто так индейцы прозвали этот штат «Темной и кровавой территорией охоты»! Ставки высоки как никогда: на кону – будущее Екатерины... и сама жизнь единственной наследницы престола Российской империи.

Анна Пейчева

Огненный торнадо

*озеро Кентукки,
США, 2015 год*

Будильник заревел, как пожарная сирена.

Екатерина с трудом приоткрыла глаза и сразу зажмурилась от невыносимо желтого солнца. Нет, ей решительно не нравился Кентукки. Здесь было слишком много тревожных оттенков: сигнально-желтые кукурузные початки, нависшие над головой; недопитая бутылка тошнотворно-желтого бурбона, валявшаяся среди пожухлых стеблей неподалеку; буро-желтый табачный налет на аристократичных пальцах Екатерины. И зачем только она вообще вчера раскурила эту дурацкую сигару! Освежить дыхание кукурузным бурбоном тоже было не самой удачной идеей.

Будильник ревел не переставая.

Нет, постойте, откуда в чистом поле будильник? Это и правда была пожарная сирена – где-то вдалеке.

Екатерина медленно, очень медленно приподнялась на локтях, пытаясь превозмочь взрывную головную боль. Вокруг была кукуруза. Только кукуруза. Повсюду. Ряды спелой кукурузы, стройные, как нотный стан. Маисовую гармонию нарушала кривая просека, которую Екатерина пробила но-

чью на арендованном внедорожнике. Пыльный темно-зеленый «русско-балт» стоял тут же, попирая сочные початки. Водительская дверь так и осталась нараспашку – Екатерина вывалилась вчера из машины и отключилась, даже не успев осознать, как ей повезло остаться в живых.

Огня нигде не было, дыма тоже. Екатерина безвольно упала обратно, на горячую, рыхлую красную почву. Пульсировала не только голова, стонала каждая клеточка тела. Тренированный организм мог выдержать серьезные жокейские нагрузки – но не подобные алкогольно-никотиновые издевательства. Не говоря уже о пьяных покатушках и ночевках на кукурузных грядках.

Сирена редела в ре-диез минор, самой депрессивной из всех тональностей. Зловещий звук порядком действовал Екатерине на нервы, и без того издерганные.

Очень подошли бы сейчас хвойные шишечки из родного «Пассажа Второва», освежающие и бодрящие, как купание в холодной лесной речке. Екатерина вяло пошарила по карманам джинсов. Нет, все шишечки они почему зря раздала вчера младшим братьям и сестрам Джима, стараясь понравиться хотя бы им. Не оценили. Ни саму Екатерину, ни ее чудные шишечки. Безмозглые Смитята попрятались за облезлый дубовый комод и стали оттуда кидаться этими шишечками в иностранную гостью.

В джинсах обнаружилась только нагретая монетка. Екатерина покрутила ее между пальцами и горько усмехнулась.

Золотой рубль. С двуглавым орлом с одной стороны – и ее собственным профилем на обороте. Чеканная Екатерина выглядела значительно солиднее реальной. Хорошо, что подданные русской принцессы не видели ее прямо сейчас, в разгар кентуккийского похмелья! В данный момент наследница великого престола представляла из себя весьма жалкое зрелище.

А ведь она просто хотела доказать родителям Джима, что не неженка, не белоручка, не фарфоровая кукла! Так обидно было, когда мистер Смит, отец Джима, хмыкнул в рыжеватые маисовые усы: «Слишком задираешь нос. Не нашего поля кукуруза». Миссис Смит отвернулась к плите и промолчала, и это было еще оскорбительнее. Простодушный Джим переспросил: «Мам, так как тебе Китти?», – а миссис Смит в ответ завела бесконечно скучную речь о семейном рецепте яблочного пирога, до которого Екатерине не было никакого дела, поскольку готовить она не умела и учиться этому не собиралась – на родине за нее все делали слуги. Электронные, разумеется. Дома, в Зимнем дворце, уже давно была установлена Разумная Плита, Разумный Холодильник сам заказывал недостающие продукты из ближайшего Пассажа Второва, а совсем скоро Волжский альтернативный затейливый завод обещал выпустить на рынок первую модель Скатерти-Самобранки, «после приобретения которой вы выбросите всю остальную кухонную технику». Екатерина очень ждала выхода новинки. Она обожала гаджеты.

Но здесь, в Америке, ценилось совсем другое. Здесь нужно было чтить традиции. Здесь нужно было быть ближе к земле, к той самой горячей и рыхлой грядке. Великая сельскохозяйственная держава не слишком одобряла технологии – если на американские поля, как в России, выйдут роботы, куда девать всех этих бравых бурбонных фермеров вроде отца Джима?

Голос сирены, низкий и заунывный, внезапно сменился на панический ультразвук.

Вокруг резко потемнело. Грозное солнце уступило авансцену клубящимся тучам.

Сирена зашла в истерику. Екатерина сунула рубль-талисман обратно в карман, стиснула зубы и заставила себя встать. Коленки предательски дрожали. Волосы трепал сильный ветер. Кукуруза вокруг беспокойно шелестела. Трещали сухие стебли, стучаясь друг о друга. Вдалеке волновалось озеро. Пожара по-прежнему нигде не было.

Было кое-что похуже.

С дальнего берега озера Кентукки на русскую принцессу надвигался торнадо.

Похоже, смерч тоже мучился с похмелья, потому что он жадно всасывал в себя озеро. Тонны воды закручивались вверх вместе с лодками и пристанями. Еще немного – и торнадо доберется до Екатерины. От ужаса великая княжна мигом забыла про собственное похмелье, гнусных родителей Джима и прочие мелочи жизни.

Природа ясно давала понять, что в отеле «Кукурузная грядка» наступил расчетный час. Нужно было спастись, и как можно скорее.

Екатерина поспешно забралась в нагретый салон «русско-балта». К счастью, заряда в моторе накопилось предостаточно – панели на крыше машины впитывали кентуккийское солнце, как губки. Принцесса мысленно вознесла хвалу мудрым создателям электроавтомобиля, в том числе и своему отцу, который до коронации работал на Русско-Балтийском заводе инженером, – и рванула с места.

Потом кое-что вспомнила, дала по тормозам, высунулась из машины, подхватила с земли полупустую бутылку бурбона и бросила на заднее сиденье. Пить она не собиралась. Просто принцессу с детства приучили убирать за собой мусор. Даже если этому мусору суждено было проваляться тут всего полчаса, а затем он торжественно вознестя бы в черные небеса. Это не оправдание, строго сказал бы папенька. Торнадо там, смерчи всякие, или инопланетяне пожаловали, а бутылку, милая барышня, будьте любезны выбросить куда положено. Особенно если у вас диплом специалиста по экологической ответственности Императорского Санкт-Петербургского университета.

Вихрь приближался. Титанический гул торнадо заглушил жалкую сирену. Мир заполнился страшным воем ветра и громовыми раскатами. Грязно-желтое кукурузное поле ходило ходуном. Машину трясло. Сердце великой княжны би-

лось через раз.

– Только не подведи, – шептала она «русско-балту», выжимая из старенького арендованного авто последние лошадиные силы. Да сколько же она вчера проехала по этому проклятому полю? В прыгающем свете фар мелькали бесконечные стебли. Торнадо дышал в затылок.

В какой-то момент машина перестала скакать по грядкам и выкатилась на ровный асфальт. Дорога! Екатерина впервые позволила себе моргнуть.

«Русско-балт» автоматически переключился в режим «Трасса» и кинулся вперед. За спиной грохотали разряды. В зеркале заднего вида вертелась громадная воронка, вобравшая в себя не только воду, но и миллионы желтых початков. «Как глупо – погибнуть в кукурузной похлебке», – некстати подумалось Екатерине.

Фары мельком высветили брошенную на краю дороги машину. Через пару сотен метров обнаружился и ее предполагаемый владелец – бежал по обочине резвым аллюром, закрывая локтем лицо от пылевой бури. Смутная фигура едва просматривалась сквозь красноватую, как на Марсе, пелену. Ураганный ветер рвал светлую футболку, трепал кукурузные волосы.

Екатерина оглянулась – еще немного, и она проиграет смерчу в этой гонке. Но лучше проиграть смерчу, чем самой себе. Дворянин потому и дворянин, что благороден всегда, и в особенности – когда это ему совсем не выгодно. Принцес-

са притормозила и распахнула пассажирскую дверь, в которую тут же ворвались сухие листья вперемешку с красным песком.

– Запрыгивайте! – крикнула она на английском.

– О боже, боже, вы ангел, – прокашлял незнакомец и ввалился в салон.

Только тут принцесса поняла, что никакой это не незнакомец. Екатерина не могла поверить своим глазам.

– Джим?.. Ты что тут...

– Господи, Китти, это ты? – одновременно заговорил Джим, не переставая кашлять. – Потом, потом, все потом. Гони!

Екатерина вжала педаль газа в пол. Истошно завизжали колеса, «руссо-балт» ринулся вперед, к просвету среди черных туч. В трех сантиметрах от капота сверкнула молния.

– Так как ты тут оказался? – повторила Екатерина, вздрагивая всем телом от атмосферного грохота.

– Тебя искал, – невнятно ответил Джим, отплевывая изо рта глину. Он все пытался пристегнуться к креслу, и все никак не получалось. Руки у него тряслись, как давешняя кукуруза. – Пришлось у отца брать древний «пузырь», он крякнулся по дороге. Торнадо был уже близко. Ну я бросил «пузырь» и побежал. Дальше ты знаешь.

Грубое русское слово «пузырь», сокращенное от «Русского автомобильного завода Пузырёва», бездарного конкурента «русско-балта», в американском произношении звучало

сочно и славно. Екатерине всегда нравился мягкий акцент Джима. Ну и его квадратный подбородок, разумеется. Ах да, и фигура. Даже сейчас мятая белая футболка сидела на Джиме так, что на нее потратил бы последние деньги и Эбенизер Скрудж.

Молния. Еще одна. Грохот грома. Ветер все усиливался, автомобиль тащило куда-то вбок.

– Как же тебя мамочка из дома выпустила? – горько усмехнулась Екатерина, не отрывая глаз от дороги. Вчерашний ужин с родителями Джима закончился самым банальным, мещанским, неприличным скандалом. После целой серии презрительных ухмылок Смита-старшего и дюжины стеклянных улыбок миссис Смит Екатерина демонстративно выкурила отвратительную сигару, залпом выпила стакан бурбона, затем сдернула с пальца Перстень-Разумник и бросила гаджет прямо в яблочный пирог со словами: «С чего вы взяли, что я ни минуты не могу без него обойтись? Вот прямо сейчас пойду на ваше поле, прямо в темноту, к мерзким цикадам, и проведу там ночь без единой подсказки из Интернетки! Вы увидите, на что я способна... Вот только эту бутылку возьму, чтобы не замерзнуть... Джим, ты со мной?» Бойфренд начал мяться, поглядывать вопросительно на родителей, чего гордая Екатерина стерпеть никак не могла. Она выскочила из дома, прыгнула в «русско-балт», который они с Джимом арендовали в аэропорту этим утром, и принялась колесить по округе, радуясь, что еще в Петербурге сбе-

жала от своего телохранителя-казака. Харитон уж точно не позволил бы ей выкидывать подобные кунштюки. А так вырвалась на волю, словно простая американская фермерша, а не занудная великая княжна. Хорошенько проучила Джима. Пожалуй, раньше у них таких крупных размолвок не было. Джиму придется постараться, чтобы она его простила! И уж конечно, в дом его родителей она больше не вернется.

– Мама сама мне дала ключи от отцовской машины, – сообщил Джим. Ему наконец удалось пристегнуться, и теперь он сидел, вжавшись в кресло. Скорость была нешуточной. «Дворники» трудились как сумасшедшие, очищая стекло от ошметков стеблей и прочей дряни.

– О, правда? – Екатерина немного устыдилась. Может, первое впечатление обманчиво? Может, родители Джима все-таки порядочные, добрые люди?

– Ага, – подтвердил Джим, беспокойно оглядываясь на завывающую мегаворонку позади машины, – мама сказала найти тебя, привести в чувство... И разорвать с тобой помолвку.

От злости и неожиданности Екатерина бросила руль и «русско-балт» едва не перекувырнулся.

– Во имя короны империи, – прохрипела принцесса сквозь зубы и снова вцепилась в руль мертвой хваткой, – и ты согласился?

– Китти, Китти, только не надо нервничать, – забормотал Джим, шарахаясь от очередной молнии в окне. – Мама пра-

ва, это плохая идея – нам с тобой жениться. Я же тогда до конца жизни буду поп-корном.

– Кем? – растерялась Екатерина. Из-за нескончаемого грома и ветра слышно было плохо и она решила уточнить. – Поп-корном?

– Ага, – Джим нервно хрустел пальцами, – станешь императрицей, моей карьере конец. Лопну от твоего жара, как поп-корн. Стану всего лишь закуской. А сейчас я основное блюдо, понимаешь?

Джим служил лицом знаменитого Русско-балтийского автомобильного завода. Вся маркетинговая стратегия РБЗ держалась на его широких плечах. Он был везде – в телерекламе, за рулем очередного стремительного автошедевра; в Интернетке – сбивал вас с толку прищуром светлых глаз и мерцающим блеском нового гироскутера; он улыбался со стильных черно-белых плакатов в офисе завода, где принцесса работала рядовым оператором колл-центра. Джим был недосягаем и прекрасен.

Роман закрутился внезапно и так же энергично, как коленчатый вал в двигателях «русско-балта». В новой рекламе, сотворенной креативными умами из маркетингового отдела РБЗ, Джим должен был рассекать весенний луг на мускулистом коне. В финале видеоролика конь волшебным образом превращался в автомобиль, а в углу экрана появлялась ненавязчивая надпись: «Русско-балт не вредит живой природе. Русско-балт является ее частью». Екатерину взяли на съем-

ки консультантом, потому что она знала про лошадей всё, а Джиму нужны были дельные советы – верхом он сидел как куль с мукой, даром что ковбой. «Видно, в юности крутил не лассо на родео, а локоны перед зеркалом», – подшучивал режиссер. Джим в ответ хмурился, ерошил свои короткие кукурузные волосы и бубнил, что никаких локонов у него в жизни не было, он же не девчонка. С чувством юмора у него было не очень. Но с такой внешностью можно и без юмора прожить.

Екатерине в нем нравилась прямота, предсказуемость и прагматичность. Джим был простым, как буква «П». Он был спасением Екатерины от самой себя. Принцесса устала от себя, если честно. Устала думать, кем она могла бы стать, если бы не родилась Романовой. Уж точно не оператором колл-центра. Это папенька настоял, чтобы она до коронации работала на родном РБЗ. Сперва навязал ей завод, а вскоре навяжет и престол. А Екатерине хотелось только одного – скакать во весь опор навстречу свободе.

Почему Джим увлекся ей? Великая княжна была неотразима верхом. Вот и всё. Он сам признавался, что влюбился в Екатерину, когда увидел ее на коне – эта царственная осанка, этот гордо вздернутый благородный подбородок... Он загорелся завоевать принцессу, на радость журналистам издания «Желтенькая уточка». А потом в интервью просто-душно рассказывал, что Екатерина – очень удобная барышня. Нетребовательная, с детства привыкла к скромной еде и

одежде. От подарков категорически отказывается и к тому же регулярно приглашает его на приемы в царскую резиденцию, где можно завести полезные знакомства. Помнится, папенька дар речи потерял, когда прочитал скандальную статью.

Бах! Джим заорал. В лобовое стекло на полной скорости влетела деревяшка. Стекло с пассажирской стороны мгновенно покрылось сетью мелких трещин – но не осыпалось внутрь салона, обвисло хрустким гамаком. «Русско-балт» был сделан на совесть.

– Гони, Китти, гони! – взмолился Джим. Лоб его покрылся крупными каплями пота. – Спаси нас!

– А зачем? – нервно расхохоталась Екатерина. – Если ты все равно хочешь меня бросить!

– Боже, Китти, ну с какой стати я должен жертвовать своим будущим? – захныкал Джим. – Ты же знаешь, что мне тесно в «русско-балте», я хочу собственное дело!

Ближайшим членам семьи правящего монарха и правда было запрещено вести свой бизнес.

– Но мы же договорились, что я дам тебе графский титул! – Екатерина отчаянно пыталась перекричать гул торнадо. – И ты будешь со мной на всех заграничных церемониях, мир объездим! Антарктиду увидишь!

Машину болтало из стороны в сторону. Молнии сверкали не переставая. Черные небеса смешались с красной землей. Напряжение становилось невыносимым.

– Не хочу я ни в какую Антарктиду! – Джим ухватился обеими руками за ремень. – Господи, Китти, о чем ты вообще думаешь? Мы сейчас погибнем!

– Смотри! – воскликнула Екатерина. В окружающем безумии фары выхватили плакат в форме опрокинутой бутылки виски, указывающей на прилегающую к трассе дорогу. – «До склада – 1 миля», – прочитала она. – Может, мы там спрячемся? Джим?

Джим не отвечал – он громко молился. Кажется, у него окончательно сдали нервы.

Между тем, решать нужно было срочно. Торнадо следовал по пятам.

«Поедем прямо – останется микроскопический шанс обогнать смерч, – торопливо рассуждала про себя Екатерина. – Уйдем направо – потеряем фору. Но ведь склад бурбона – это дубовые бочки. А бочки хранятся в отличных сухих погребах. Наверное. Если это так – мы спасены. Пересидим смерч в погребе».

– Джим, бочки с бурбоном хранятся в погребах? Ты же вырос здесь, должен знать. Джим!

– А? – Джим прекратил молиться и уставился на принцессу. Глаза у него слезились. То ли от песка, то ли от страха. – Бурбон? Где? – Тут его взгляд упал на недопитую бутылку на заднем сиденье. – О, да вот он... Китти, детка, это же именно то, что мне сейчас нужно...

Джим полез за виски. Молнии сверкали, как стробоско-

пы в ночном клубе «Затмение» – самом привилегированном заведении Баронского квартала Петербурга. Клуб открывал свои двери для посетителей всего один раз в год, да и то не на всю ночь, а ровно на два часа, и попасть в «Затмение» было почти невозможно. Однако Джиму, как знаменитости мирового масштаба, все же удалось провести туда Екатерину. Честно говоря, сам клуб не произвел на принцессу особого впечатления. За астрономическую входную плату в тысячу рублей она ожидала чего-то большего. А так – чересчур яркие прожектора, посредственный коктейль из водки с березовым соком и невкусные левашки. Много шума из ничего.

Екатерина вздохнула, резко крутанула руль и свернула направо. Склад все же лучше, чем маленький беззащитный «русско-балт» с разбитым лобовым стеклом.

Промышленная территория была огромной, старой и пустой. Очевидно, все работники, заслышав сирену, успели разбежаться по домам. Впереди высились ангары – насколько можно было различить сквозь пыльную завесу, простые дощатые коробки размером с девятиэтажный дом, менее всего похожие на заводские цеха. Вероятно, производили бурбон где-то в другом месте, а здесь только хранили. Однако размышлять на эту тему было некогда – сильный боковой ветер буквально сталкивал машину с дороги. Екатерина удерживала руль из последних сил, руки страшно болели.

Путь на склад преграждали крепкие деревянные ворота. Нужно было их как-то открыть. От Джима толку было ноль.

Он сидел в полной прострации, прижимая к мужественной груди пустую бутылку виски, словно беззащитного младенца.

На помощь неожиданно пришел сам торнадо. Ворота устали противостоять ураганному ветру и с грохотом сорвались с петель. Правая створка чиркнула по крыше внедорожника, оставив в ней глубокую прореху, сквозь которую в салон посыпались крошки от солнечных панелей. Попади воротина чуть левее или будь карбоновый кузов «русско-балта» чуть менее прочным – и славная четырехсотлетняя история династии Романовых прервалась бы прямо здесь и сейчас, в далекой Америке, на родине кукурузного виски. Кентукки очень хотел называться «Штатом мятлика», и совал этот невинный мятлик на все свои гербы и печати, но в эту секунду Екатерина невольно вспомнила индейское название штата – «Темная и кровавая территория охоты».

Так или иначе, путь на склад был открыт. Машину шатало и трясло, видимость на площади перед ангарами была не лучше, чем в резервуаре включенного пылесоса, и «русско-балт» дважды чуть не врезался в здоровенный памятник бурбону – громадную каменную бочку, призраком возникавшую перед ними в самый неожиданный момент. После нескольких минут беспорядочной и нервной езды вокруг глупой бочки Екатерина заметила, что в одном из ангаров дверь приоткрыта.

Принцесса кое-как вытащила из автомобиля Джима, ко-

торый никак не хотел расставаться с пустой бутылкой, и, с трудом удерживая равновесие и стараясь не дышать пылью, затолкала размазную и себя заодно в ангар. Ни одна лампа не горела – какое же электричество во время торнадо! Разве что атмосферное в избытке – молнии проблескивали сквозь щели в дощатых стенах.

В ангаре принцессу ждало гигантское разочарование. Никакого входа в мифический подземный погреб в обозримой перспективе не наблюдалось. Проклятые дубовые бочки с бурбоном хранились не под землей, а на высоченных, до потолка, открытых стеллажах.

Между тем, сам ангар гудел и раскачивался от страшных порывов ветра. Стеллажи ходили ходуном. Бочки скрипели и стонали, как старые лодки во время шторма.

Ба-бах! Первая бочка раскололась об каменный пол. Щепки прямо в глаза – Екатерина еле успела закрыть лицо. Еще одна, еще! Джим орал что-то неразборчивое, мокрый до нитки, но, кажется, целый и невредимый. Сотни, тысячи литров отборного виски падали и взрывались, как авиаснаряды. Ангар заполнился резкими парами спирта. Дышать стало нечем. Пол превратился в одно большое бурбонное озеро, отдающее дубовым дымком и почему-то немного кокосом.

Здание трещало по швам. В ангаре было еще опаснее, чем в «русско-балте».

– Джим! Надо выбираться! – закричала Екатерина по-русски.

– Oh my God, oh my God, oh my God, – заикнулось Джима.

Принцесса схватила его за мокрую руку и потащила обратно к двери, стараясь держаться у стены – бочкопад продолжался. Бежать по колено в бурбоне было тяжело и дико. По дороге Джим запнулся, плюхнулся в алкогольное озеро, в очередной раз облив Екатерину, но не растерялся и зачерпнул виски пустой бутылкой, уж сколько смог.

На улице было еще страшнее. Ветер сносил с ног, молнии искрились одна за другой, небеса грохотали и вертелись все быстрее.

– Чур, ты за рулем! – крикнул Джим и ловко, как мартышка, забрался на заднее сиденье «русско-балта».

– Вот горе-то на мою голову! – воскликнула Екатерина. – Ты зачем туда залез? Машина нас не спасет. Посмотри, торнадо уже на подъездной дороге! Мы в ловушке! Нужен план «Б».

– Почему «Б»? – Джим с совершенно ошалевшим видом смотрел на необъятную воронку, величественно возносящуюся над облаками пыли и мусора.

– Потому что «Б» – это «бочка»! – осенило Екатерину. – Вперед, к памятнику! Он слишком тяжелый для торнадо... Я надеюсь.

После короткого, но мучительного блуждания в темно-красном тумане им удалось добраться до каменного монумента. Памятник бурбону представлял из себя бочку, лежащую на боку и, к счастью, пустую. Крышка у бочки от-

кидывалась на петлях – скульптор явно думал об эстетике и облегчении конструкции, но для Екатерины и Джима эта крышка означало ни больше ни меньше – саму жизнь.

Внутри было до тесно до невозможности, душно, пыльно и жарко. Екатерина посочувствовала мамуле князя Гвидона, которая, по информации Пушкина, провела в такой обстановочке как минимум сутки. Только вряд ли от ее новорожденного сыночка так несло алкоголем, как от Джима. Впрочем, и сама Екатерина сейчас представляла из себя влажный бурбонный бисквит, а не прекрасную принцессу. От спиртового компресса кожа горела.

Крышка прилегала к краю бочки неплотно. Екатерина с Джимом прижались к щели, оттуда поступал кислород – и свежие сведения о бурной деятельности смерча.

А посмотреть снаружи и правда было на что. Торнадо закатился на территорию склада пышно, по-королевски, в сопровождении свиты вихрей, молний, грома, пыли и всевозможных обломков, крутящихся в воздухе против часовой стрелки. Раз – и совсем рядом с Екатериной пронесся знакомый «русско-балт», весь измятый, без дверей и колес. Кузов с ужасающим скрежетом задел каменную бочку, смерч попытался сорвать ее с постамента, но не получилось.

Зато с ангарами смерч справился играючи. Ураганным языком слизнул с крыши ершистую drankу, закусил легкими стенами – и небрежно бросил в бурбонное озеро, бурлящее обломками досок, пару молний.

Пары виски воспламенились мгновенно.

Этот взрыв наверняка слышали даже в России.

Каменная бочка покачнулась, но устояла.

– Господи, – одними губами сказал Джим и стиснул Екатерине руку. Принцесса ничего не сказала, она думала только о том, что папенька не переживет новость о гибели единственной дочери.

За несколько секунд пожар охватил все постройки. Сквозь общий ураганный гул было слышно, как взрываются бочки с бурбоном. Джим отвернулся от щели и залпом выпил весь виски из своей бутылки.

Огненный торнадо бушевал вокруг принцессы и ее – теперь уже бывшего – жениха. В каменной бочке становилось все жарче. Горела уже не только кожа, но и легкие – воздуха катастрофически не хватало.

Почти теряя сознание, Екатерина шептала:

– Это я виновата, что мы сейчас здесь... Не надо было вчера показывать характер... Зря я сбежала... Все моя гордыня. Прости, Джим... Я виновата во всем... Ты простишь меня?

– Что уж теперь, – вяло кивнул Джим. Глаза у него помутнели.

– Если мы останемся живы, Джим, я... я отрекись от престола, чтобы быть с тобой... Только бы не погибнуть сейчас. Мы будем счастливы... Мы поженимся... Я забуду о троне, отдам свою жизнь тебе... Да, Джим? Клянусь короной, ты не

будешь мистером Романовым... Я стану миссис Смит... Ты согласен, Джим? Джим?

Джим молчал. Глаза его были закрыты.

Екатерина бросила последний слабый взгляд на огненный вихрь – и лишилась чувств.

Пробуждение было ужасным. Но главное – оно было.

Мысли ворочались со скрежетом, как каменные плиты.

«Хуже похмелья у меня еще не было, – с трудом подумала Екатерина. – Даже в кукурузном поле. Даже в «Глобализации»».

«Нализаться до глобализации» – так назывался модный ресторан в Баронском квартале, одно из любимых местечек Джима. По правилам заведения, посетитель мог выпивать до тех пор, пока был в состоянии четко произнести слово «глобализация». После того, как язык у выпивохи начинал заплетаться, компьютер определял степень его опьянения как критическую и алкоголь этому посетителю больше не подавали. С Екатериной правила не сработали – за годы публичных выступлений перед подданными она так натренировала дикцию, что даже после критической дозы алкоголя говорила кристально ясным и чистым голосом. Джим тогда поспорил, что Екатерина не победит компьютерную систему «Глобализации». Но она победила. Ей подавали стаут бокал за бокалом. Харитону пришлось на руках выносить свою подопечную из ресторана. Корреспонденты «Желтенькой уточ-

ки» радовались, как дети. После прочтения их разухабистой заметки папенька срочно вызвал квадрокоптер из «Аптеки Ламперта».

Екатерина, хрипя от боли, надавила всем телом на крышку и откинула ее вниз. В каменный склеп хлынул свет и воздух.

Джим шевельнулся и застонал.

Екатерина неловко вывалилась из бочки.

Вокруг все было черным. Бурбонный склад превратился в пожарище. Сильно пахло дымом. Каменные бока бочки-спасительницы обуглилась. Тут и там дотлевали рваные доски. Но дышать было можно.

Воздух успокоился, ветра не было. Где-то вдалеке садилось за горизонт закатное солнце – алое, как царская мантия.

Торнадо ушел, будто его и не было.

– Китти? – слышался слабый голос из бочки. – Где моя будущая миссис?

Екатерина слабо улыбнулась – и повернулась к порфиросному солнцу спиной.